

В конце марта в Пермском театре оперы и балета состоялась премьера оперы Александра Бородина «Князь Игорь» в постановке бельгийского режиссёра, культуролога, музыковеда Сигрид Т'Хуфт. Незадолго до этого Сигрид поделилась с «Компаньон magazine» своими идеями, а также впечатлениями о работе и жизни в Перми.

? Для начала расскажите, как вы оказались в Перми в роли постановщика такой очень русской оперы, как «Князь Игорь»?

— Я живу в Генте, это город во фламандской части Бельгии. В Пермь меня пригласил Марк де Мони, с которым я была знакома раньше. Со Штефаном Дитрихом, художником-постановщиком, я была знакома давно, нам уже доводилось работать вместе, а здесь, в Перми, Штефан ставил с Теодором Курентзисом оперу Моцарта «Так поступают все женщины», так что завязались такие многосторонние отношения.

Я раньше уже ставила оперы, их в моей карьере более 20, но я не режиссёр по образованию, я музыковед и танцовщица. Кроме того, я сочиняю и веду радиопередачи, посвящённые классической музыке, и ставлю танцевальные спектакли с моим ансамблем.

? Вы занимаетесь современной хореографией?

— Нет-нет, исторической! Танцы эпохи барокко и Ренессанса. Моя специальность — история движения. Меня интересует, как двигались люди — танцоры, певцы — на сцене в определённые периоды времени. Благодаря этому я постепенно и пришла к режиссуре. Это очень многолетняя история. Начинала я с музыки XVII–XVIII веков, затем обратилась к Моцарту и Гайдну, а «Князь Игорь» — моя первая работа с романтической оперой.

? Вы специалист по старинной музыке, по истории сценического движения, и вдруг к вам приходит Марк де Мони и говорит: «А давай поставим в Перми русскую романтическую оперу!» Ваша реакция?

— Ух! Да, это вызов! Но почему бы и нет? В моей практике постановки барочных опер были совершенно новые, никому не известные названия; их ставили только тогда, когда они были написаны, например в XVIII веке, а потом они исчезли — нет ни записей, ни даже издания нот, приходится

ЭТО ДЛЯ МЕНЯ СОВЕРШЕННО НОВЫЙ МИР. ВСЁ НЕПРИВЫЧНОЕ!

работать с оригинальными нотными записями. Так что делать что-то совершенно новое я люблю. Я уже проделала путь от барокко к классике и сейчас просто делаю ещё один шаг в избранном направлении. Мне крайне интересно было изучать сценический язык и певческую практику второй половины XIX века.

? Какова ваша ключевая идея для постановки «Князя Игоря»?

— Как обычно, я отталкивалась от самого начала, от оригинального сюжета, изложенного в либретто. Я прочитала эпическую поэму, в которой рассказывается о походе князя Игоря. Это был перевод, но, мне кажется, я почувствовала атмосферу этой поэзии, аромат этого текста. Отсюда началась моя работа, а затем меня вело стремление создать что-то в историческом ключе, исторически верное. Для меня это не только костюмы и сценическое движение, это в первую очередь верность авторской музыке.

Мы обратились к оригинальной партитуре Александра Бородина. Я стремилась максимально приблизиться к его замыслу, и мне повезло: в 2012 году му-

зыковед Анна Булычёва выпустила новое издание оригинального материала, который остался после Бородина.

? Но ведь опера не была закончена...

— Конечно. Поэтому каждая сценическая версия, каждое концертное исполнение «Князя Игоря» — это нелёгкий выбор, сложное решение постановщика и дирижёра, какую из версий выбрать. Мы с дирижёром Валерием Платоновым опирались на исследования Булычёвой, там много интересной пищи для размышлений. Так что основная идея постановки — это историческая верность не только дизайну и сценическому движению, но и музыкальной редакции и текста.

Это оригинальное содержание в оригинальном оформлении, реализованное сегодня с максимальным почтением к традиции. Конечно, кто-то мог бы быть гораздо более радикальным в стремлении осуществить исторически достоверную постановку. Мы с Платоновым — не радикалы.

? Да, ведь театр XIX века в буквальном виде сегодня невозможен...

— О, разумеется!

? Если сегодня приделать певцам бороды из пакли, поставить их на сцене неподвижно и заставить картинно разводить руками, получится пародия!

— Да, но мы ничего такого не делаем. Это не реконструкция, реконструкции меня вообще не интересуют. Я собираю всю информацию — чем больше, тем лучше, затем закрываю книги и стараюсь проникнуться материалом, чтобы потом, вдохновившись этой историей, создать что-то очень личное и совершенно особенное.